

тельное обобщение. Но то, что сделал Е. М. Мелетинский, — уже большое достижение. Книга его — бесспорно значительное явление в фольклористической литературе, ценный вклад в сказковедение. Она поставила важную проблему раскрытия социально-бытовой основы определенной и очень большой группы сказок. В целом эта проблема автором разрешена. Привлечен огромный фольклорный и этнографический материал, к изучению которого творчески применена сравнительно-историческая научная методика. Монография Е. М. Мелетинского — оригинальное, глубокое исследование большого научного масштаба.

А. Астахова

Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Учебное пособие для вузов. Составили Э. В. Померанцева и С. И. Минц. Госучпедгиз, 1959, 578 стр.

Создание хрестоматии по русскому фольклору для вузов, отвечающей как требованиям современной фольклористики, так и требованиям специально педагогическим, — задача сложная. В хрестоматии должны быть сосредоточены избранные тексты всех известных жанров русского народного творчества, причем они должны быть отобраны и расположены так, чтобы дать студентам правильное представление о художественном и идейном богатстве и разнообразии русского фольклора, об его историческом развитии и различии областных «школ», о творческой роли исполнителей, о связи фольклора с бытом и обрядом, об особенностях устного исполнения. Решить все эти задачи с равным успехом в сравнительно небольшой по объему книге невозможно. По существу есть только один действительно верный выход из положения — создание серии антологий по важнейшим жанрам. На такой путь и встала кафедра фольклора Московского университета, подготовившая в последние годы учебные антологии былин (П. Д. Ухов), сказок (Э. В. Померанцева), пословиц, поговорок и загадок (В. П. Аникин). Однако три сборника еще не отменяют необходимости издания хрестоматии. Хрестоматия останется нужной до тех пор, пока не будут изданы подобные же антологии по исторической песне, народной балладе, календарно-обрядовой песне, причетам, лирическим песням, рабочему фольклору, частушке, народной драме и т. д.

Следует отметить, что в последние годы требования к хрестоматии по фольклору для вузов значительно усложнились. Работа большого коллектива фольклористов над академическим четырехтомником, в котором была предпринята первая попытка систематического и развернутого изложения истории русского народного творчества, публикация ряда книг и статей, посвященных историческому изучению фольклора, дискуссии по вопросам традиционного и современного народного творчества заставили преподавателей вузов перестраивать курс русского фольклора. Была составлена программа, явившаяся попыткой изложения курса в историческом аспекте. Ее авторы, проф. В. М. Сидельников и доц. С. И. Василенок, одновременно с программой опубликовали соответствующую ей хрестоматию. К сожалению, и программа, и хрестоматия не оказались достаточно долговечными. Московским университетом была вскоре издана новая программа под редакцией проф. В. И. Чичерова, составителям которой удалось избежать многих недостатков прежней программы. Большинство же преподавателей фольклора в гуманитарных вузах вернулось к снятой было с рекомендации хрестоматии Н. П. Андреева, вышедшей более двадцати лет назад (1-е изд. в 1936 г.). Разумеется, хрестоматия В. М. Сидельникова и С. И. Василенка имела и определенные достоинства. Так, в ней был обновлен и расширен раздел советского фольклора, привлечены некоторые малоизвестные записи и записи 1930—1940-х годов, показано значение фольклора в развитии русской литературы и искусства, подчеркнуты патристические мотивы русского фольклора.

Кратковременность пользования этой хрестоматией объясняется отчасти тем, что многие вопросы, более или менее прояснившиеся впоследствии, тогда только-только еще начинали разрабатываться. Однако были у нее и другие, характерные для того времени пороки. Составители ее, желая расположить тексты в исторической последовательности, как бы забывали, что подавляющее большинство их было записано в XIX—XX вв. Если, изучая их, и можно (не всегда и с большой осторожностью) сделать некоторые заключения о времени их возникновения, тех идеях и поэтических особенностях, которые их первоначально отличали, то это не значит, что их можно считать текстами XIII или XV вв. Особенно спорным было помещение в тот или иной раздел текстов сказок, лирических и обрядовых песен, частушек без каких-либо оснований их определенной датировки. Между тем такое безоговорочное отнесение текстов XIX—XX вв. к более ранним временам затемняло одну из существеннейших специфических особенностей фольклора — совмещение в одном произведении, в одном тексте черт различных эпох. Кроме того, знакомясь с каким-нибудь жанром, частично расположенным в различных разделах, студенты не приобретали должных знаний об этом жанре в целом. В этой хрестоматии было и слишком мало текстов. Это объяснялось тем, что составители поставили перед собой, помимо основной, еще несколько

дополнительных задач: дать материалы по истории русской фольклористики, привести известное количество отзывов писателей и композиторов о русском фольклоре и, наконец, даже познакомить читателей со статьями исследовательского характера, в значительной мере дублировавшими учебник, — все это вместе взятое занимало больше трети книги. Между тем некоторые из включенных статей и отрывков из них, безусловно интересные сами по себе, даже не имели прямого отношения к теме хрестоматии (например, статья Н. П. Андреева «Некрасов и фольклор», отрывки из «Российской грамматики» Ломоносова, из статьи «Полемические красоты» Н. Г. Чернышевского, отдельные цитаты из А. Н. Радищева, В. Г. Белинского и др.); другие же были перепечатаны с существенными ошибками (например, предисловие к 3-му изданию сборника Львова-Прача ошибочно названо предисловием ко второму изданию и приписано Н. Львову, хотя известно, что и второе и третье издания были переработаны издателями после смерти Львова, последовавшей в 1803 г.).

Поэтому уже несколько лет назад возникла острая необходимость в создании новой хрестоматии. В конце 1959 г. она, наконец, появилась. Ее составители, Э. В. Померанцева и С. И. Минц, ориентировались на ныне действующую программу, изданную кафедрой фольклора Московского университета в 1958 г.

Следует сказать, что в целом новая хрестоматия кажется нам несомненно удачной и по выбору текстов, и по принципу их расположения. Учтя существующую традицию, начало которой было положено хрестоматиями В. В. Сиповского, Н. Л. Бродского, и его соавторов, опираясь на большой педагогический опыт работы с хрестоматией Н. П. Андреева (она была серьезным достижением для своего времени и положительное влияние ее, несомненно, еще долго будет сказываться), составители ввели почти во все разделы особенно примечательные записи традиционных текстов, произведенные в последнее десятилетие. Много нового было внесено в раздел, посвященный советскому периоду.

С точки зрения отбора текстов, новая хрестоматия не вызывает существенных возражений. Вместе с тем нельзя не высказать и некоторых пожеланий. Отдельные жанры представлены чрезмерно скупо. Так, хотелось бы, чтобы студенты знакомились с большим количеством образцов народной баллады, старинной частушки, рекрутских причитаний. Желательно было бы расширить раздел «Народная драма» за счет включения избранных текстов «Петрушки», «Лодки» или комедии «Как француз Москву брал». Нет в хрестоматии бытовых причетов, колыбельных и детских песен и потешек. Отсутствуют сказы о Великой Отечественной войне. По-видимому, все это связано с тем, что составители были ограничены традиционным для Учпедгиза, но мало оправдывающим себя на практике объемом в 30 авторских листов и вынуждены были отказать от некоторых текстов и даже целых жанров.

Основная часть хрестоматии делится на два раздела — «Народно-поэтическое творчество до Великой Октябрьской социалистической революции» и «Советский фольклор». Внутри них материал расположен различно; в первом — по жанрам и внутри подразделов, где это возможно, в исторической последовательности (см. «Исторические песни», «Частушки» и др.); второй — разбит на три подраздела: «Фольклор революции и гражданской войны», «Фольклор восстановительного периода и первых пятилеток» и «Фольклор Великой Отечественной войны и послевоенного периода». Кроме того, впервые в хрестоматии выделен рабочий фольклор. Заметим, что хрестоматия В. М. Сидельникова и С. И. Василенка была построена иначе: раздел дооктябрьского фольклора был разбит на шесть периодов, а раздел «Устное творчество эпохи социализма» не членился, хотя и в нем материал был расположен в условно-хронологическом порядке.

Нам представляется, что композиция хрестоматии, принятая Э. В. Померанцевой и С. И. Минц, и в научном, и в педагогическом отношении вернее. Дофеодалные по происхождению мотивы можно выделить только путем специального исследования. С другой стороны, довольно непродолжительный в России период капитализма не успел произвести в традиции русского фольклора такие коренные и разрушительные изменения, как в фольклоре ряда европейских народов. Известно, что для русской деревни второй половины XIX — начала XX в. было характерно сложное переплетение элементов капитализма с очень живучими пережитками феодализма. История русского рабочего фольклора досоциалистического периода была также непродолжительной. Поэтому (за вычетом рабочего фольклора) русское фольклорное наследие воспринимается как относительно однородное, а период капитализма в истории русского народного творчества — как переходный. Необходимость выделения его в программе курса очевидна, но обособление в хрестоматии очень затруднительно. Впрочем, можно было бы пожелать, чтобы хрестоматия, при сохранении ее современной структуры, пришла на помощь преподавателям в большей мере, чем теперь, и включила бы тексты, которые давали бы некоторый материал для изучения тенденций, проявившихся в этот период (например, некоторые тексты из сборников Н. Е. Ончукова, Д. К. Зеленина, бр. Б. М. и Ю. М. Соколовых, записи от Господарева, причитания Федосовой и Богдановой, поздние лирические песни и частушки и т. д.). О такой возможности ясно говорят работы ряда исследователей, опубликованные в последние годы.

Что же касается советского раздела, то здесь составители поступили достаточно смело и обоснованно, разделив весь материал на определенные периоды, так как именно здесь (как, впрочем, и во многих случаях в разделе рабочего фольклора) можно

располагать, как правило, текстами в их первоначальном или очень близком к нему виде.

Думается, что дальнейшее приближение к задачам исторического изучения фольклора может быть достигнуто на современном этапе только одним путем. Надо со всей отчетливостью осознать, что никакая хрестоматия не может существовать вполне самостоятельно, а введение и краткие вступительные заметки к разделам и подразделам, как бы хорошо они ни были написаны (а в рецензируемой хрестоматии они в большинстве своем удачны), не смогут и не должны заменить учебник и лектора, читающего курс. Поэтому лучше было бы, вероятно, отказаться от них вовсе, используя образовавшиеся резервы объема книги не только для расширения некоторых разделов, но в первую очередь — в нарушение традиции издания хрестоматий — для развернутого комментирования текстов, выявляющего сравнительный материал, различного рода исторические отклики, поэтические и этнографические особенности, отличия областных редакций, индивидуальную манеру исполнителей. Такой комментарий, существенно дополняя и конкретизируя изложенное в учебнике, способствовал бы внимательной и углубленной работе студентов над текстами, делал бы их понятными и запоминающимися, связал бы воедино чрезмерно краткие эпизодические сюжетные и словарные примечания, помещенные в хрестоматии, которые даны рядом или вместе с библиографической документацией. Такой комментарий обусловил бы введение дополнительных примеров творческого варьирования текстов. Внушение студентам мысли о том, что народ является не просто средой, хранящей фольклорное наследие, но прежде всего средой, его создающей, едва ли не главнейшая методологическая задача курса народного творчества в вузе. Такой комментарий был бы особенно нужен в разделе советского фольклора; он помог бы правильнее понять процесс слияния фольклорной и литературной традиции, при таком типе комментария стал бы яснее принцип включения в этот раздел текстов песен, литературных по своему происхождению, но ставших народными, массовыми по характеру своего бытования.

Фольклорным текстам хрестоматии, кроме краткого Введения и вступительных заметок, предпослан раздел, отсутствовавший до сих пор в изданиях такого рода: «Свидетельства русской письменности и литературы о фольклоре»; в него вошли отрывки текста с упоминаниями о фольклоре, заимствованные из памятников русской письменности и отрывки из романов, повестей, рассказов, статей русских писателей, содержащие отдельные сведения о бытовании фольклора. Материал подобран хорошо, читается с интересом и безусловно полезен.

Позволим себе несколько замечаний текстологического свойства. Следует пожелать, чтобы тексты хрестоматии более последовательно воспроизводились по наиболее авторитетным в научном отношении изданиям. Если тексты из сборника П. Н. Рыбникова даны с полным основанием по изданию под редакцией А. Е. Грузинского, а из сборника А. Ф. Гильфердинга — по изданию под редакцией А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова, то с равным основанием тексты «Шелкана», «Скопина», «Осады Казани» должны были бы печататься не по изданию сборника Кири Данилова 1938 г., а по новейшему выверенному изданию 1958 г. (под редакцией А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова), тем более что редактор издания 1938 г. — С. К. Шамбинаго самостоятельной текстологической работы не производил, а следовал за изданием П. Н. Шеффера (1901 г.). Текст «Кострюка» в записи от М. Д. Криволеновой следовало бы воспроизводить не по изданию 1916 г., а по изданию 1950 г. под редакцией А. А. Морозова, в котором устранены явные ошибки собирательницы на основе сверки ее записей с записями других лиц от той же сказительницы. При воспроизведении сказок из сборника А. Н. Афанасьева не учтены результаты сверки печатных текстов с рукописями, произведенной В. Я. Проппом для издания 1957 г. Правда, крупных ошибок все это за собой не повлекло, но несколько досадных разночтений все же налицо.

Следует сказать несколько слов и о полиграфической стороне издания. Нам кажется нецелесообразным, что хрестоматия по народному творчеству издана без иллюстраций. Почему надо было в этом случае отступать от хорошей традиции? Вспомним, что, например, оба издания хрестоматии Н. П. Андреева были выразительно иллюстрированы хорошо подобранными репродукциями миниатюр древнерусских письменных памятников, лубков, народной резьбы, вышивки, портретами сказителей и пр.

Надо обратить внимание и на промахи технического порядка: так, почему-то выпали все (кроме первого) подзаголовки в разделе, открывающем книгу, и, таким образом, Радищев, Тургенев оказались отнесенными к XV в. Не всегда продумана дифференциация шрифтов; в результате создается впечатление, что, например, календарные обрядовые песни — это только колядки, а подблюдные, масленичные, веснянки к ним никакого отношения не имеют.

В целом следует приветствовать появление новой хрестоматии по русскому народному творчеству, безусловно отвечающей современным научным и педагогическим требованиям, и в то же время пожелать, чтобы в последующих ее изданиях составители не только устранили бы отдельные промахи (их не так много), но и обсудили бы вместе с методистами высших учебных заведений некоторые принципиальные моменты, особенно вопрос о возможности включения в состав хрестоматии обстоятельного систематизированного комментария к каждому или по крайней мере к большинству текстов.

К. В. Чистов